

За основание источниковой базы были выбраны традиционные тексты земледельческих обществ, в той или иной степени оказавших влияние на формирование культурной традиции Европы и России (преимущественно афразийско-средиземноморского, переднеазиатского и восточнославянского этнокультурного ареала). В качестве объекта исследования выступает социальная организация и народная культура традиционных аграрных обществ того же региона. Этики выживания и моральные экономики этих обществ обнаруживают высокую степень универсальности и идентичности, что автор объясняет универсальной архетипикой текстов типа *vita herbae* («жизнь растений»), положенных в основание социальных и антропологических представлений земледельческих цивилизаций. В настоящее издание вошли теоретические разделы исследовательского проекта «Хозяйство и культура», ориентированного на разработку проблематики феноменологии и прагматики традиционного текста.

ЧАСТЬ I ОПРЕДЕЛЯЯ ХОЗЯЙСТВО

По данным социальной антропологии первичным условием формирования культурной традиции является комплекс отношений человека с вмещающим ландшафтом³. В архаическом сознании человек, по определению В.Н.Топорова, есть «особая ипостась или инобытие места, характеризующееся, условно говоря, “активностью”, а место — особая ипостась человека, разыгрывающего на новом уровне идею места сего и являющегося как некий дух места, как его персонификация»⁴. Исходной характеристикой *своего* места выступает его обусловленность «кормящей» функцией, а идеологической основой «причастности месту» — материнский комплекс кормящего ландшафта.

Этот базовый уровень социально-экологической организации, таким образом, представляет система пространственно-технологического и адаптивно-экологического порядка. Он целиком определяется соотношением человека и ландшафтной среды, выражающей совокупность реальных жизненно важных и культурно-значимых для человеческого существования объектов внешнего мира. На этом уровне культура выступает прежде всего в своей адаптивной функции, именно вмещающему или кормящему ландшафту принадлежит активная роль в оформлении человеческого

мира: усвоении первичных хозяйственных навыков, развитии технологий и сопряженных с ним программ и стратегий жизнедеятельности. Взаимообуславливая друг друга, общество и ландшафт образуют территориально-организованный, а по сути, телесно-позиционированный режим взаимной адаптации социального и природного (экологического) порядков.

Именно на низовом уровне адаптивные режимы воспроизводят определенные виды традиционных занятий, технологии и стратегии местного населения, предлагают наборы программ и обуславливающий их ресурсный потенциал, способствующий развертыванию тех или иных видов практической деятельности. Каждая из них представляет достаточно жесткую сетчатую структуру, накладываемую одна на другую, с достаточно устойчивыми параметрами хозяйственно-технологических, мифо-ритуальных и идеологических скреп. Поддерживая и обуславливая друг друга, эти структуры образуют единую и сверхпрочную сеть социальных позиций, связей, отношений, а также обосновывающих их мифо-логик и идеологем, плотно охватывающих общество, принизывающих его насквозь, цементирующих изнутри и снаружи и стягивающих его сетями традиции.

Глава 1. Истоки хозяйства

Жесткость обеспечивающих устойчивость общества социальных ролей (имен) и позиций, а также высокая плотность сетей традиции обуславливает тотальность заключающего человека универсума, жесткость внутрисоциальных отношений, вплоть до полного сме-

шения субъект-объектных характеристик. Как следствие — непререкаемость авторитета традиции, которая вся — воплощение живой ткани социальности и принцип всеобщей связи.

Идеологически данный мировоззренческий комплекс восходит к первобытному, тотемистическому архетипу.

В поисках «кормящего» субъекта

Термины «тотемизм» и «тотем», отмечает О.М.Фрейденберг, — вполне условны и обращены к первобытной дородовой архаике. В этих понятиях получило обобщение «своеобразное явление у нецивилизованных народов — объединение коллективов по признаку не кровного родства, а принадлежности к одному тотему — животному или растению, которое являлось якобы их общим родоначальником. <...> Основная черта так называемых тотемистических представлений — слитность в них внешней природы и человеческого общества, с одной стороны, и с другой — слитность в них единичности со множественностью. <...> тотемизм и характеризуется тем, что в его системе множественность и единичность сливаются, точнее, единичное служит выражением множественного <...> Вторая особенность, <...> — отождествление людского коллектива с видимой природой. Познаваемый мир и познающий его человек слиты. <...> В силу нерасчлененности субъекта и объекта, природа и люди кажутся зверьми, растениями, камнями; это зависит от того, чем коллектив занимается, что более всего находится в поле его зрения. Конечно, о кровном родстве еще не может быть и речи. Вожак с людским коллективом представляется

тотемом, это значит, в переводе на наш язык понятий, единично-множественной видимой природой — светиллом, зверем, камнем, растением»⁵.

Этот способ мировосприятия непосредственно связан с определяющей на ранних этапах культурогенеза функцией «правополушарного типа мышления»⁶. С позиций когнитивной психологии «восприятие обычно начинается с размытого, недифференцированного целого, которое постепенно модифицируется и разрабатывается...»⁷. «Первичная, биологически-значимая ориентация в мире происходит по контурному очертанию предмета, по его нерасчлененному абрису. <...> Правополушарное мышление — это мышление, ретуширующее демаркационные линии между вещами. Затушевывание специфики отдельных фрагментов позволяет “схватывать” и оценивать ситуацию в целом, без детального анализа составляющих ее элементов»⁸. В расплывчато-иррадирующем образе признаки вещей «скользят и колеблются», незаметно переходят друг в друга. Для правополушарных образов характерен неустоявшийся, зыбкий способ кодирования информации.

Эти особенности и рудименты первобытного мышления, обусловленные культивированием архаическими и традиционными культурами «правополушарного типа мышления», фиксируются мифом и сохраняются на стадии родовой и позднее территориальной общественной организации.

Наличие в истории «эпохи тотемизма» для многих серьезных исследователей является проблематичным и как минимум недоказуемым. С этим вряд ли можно поспорить, поскольку то, что называют тотемизмом, включает в себе предпосылку любого мифологического мышления. Поэтому примем всю условность терми-

на «тотемизм». Тотемизм — та первичная форма и способ мышления, которую О.М.Фрейденберг назвала «рождающей эпохой» в культуре. Это определение в полной мере относится и к характеристике онтогенеза человека. На ранней детской фазе сознание ребенка функционирует в своем правополушарном режиме, не различающем субъект-объектных характеристик, и только позже «подключается» левое полушарие головного мозга и обеспечивающие его развитие неокортикальные отделы. Но всякий рационально мыслящий взрослый осознает, что детские комплексы неизживаемы, они сопровождают человека на протяжении всего жизненного пути, представляя «второй план» восприятия и, в определенном смысле, являя его основу. Именно в них при всей их иррациональности укоренены генетические программы и биологические коды, заключена вся родовая история человека. И исторически и онтогенетически они всегда будут иметь более длительную биографию, нежели биография рационального. Для архаического мироощущения, если попытаться сформулировать его интуиции, эта «другая реальность» аффективного бессознательного представлялась, вероятно, не иначе как проникающая вовнутрь человека власть тотема, свидетельство его всеприсутствия и произвола.

Тело мира и ландшафты присутствия

Итак «субъектно-объектное мировосприятие, а также предметное восприятие времени и пространства <...> создают особую картину мира. В тотемистическом универсуме Человек представляет себе, что его жизнь и жизнь природы — одно. Все, что происходит во внеш-

ней природе, происходит и с ним». В тотемном архетипе мир развернут к человеку параметрами своего-освоенного, расцениваемого как дар и благо, предназначенное к усвоению и потреблению. Тотемизм определил собой первичную форму мифологического мышления и предопределил наследующие его формы сознания — как драматизированные, связанные с переживанием мира как «распада» архетипического образа первобытного тотема, его претворения в природное многообразие. Но с этим же мотивом связан мотив жертвенности, передачи себя — собственного тела в прокормление своим потомкам.

В работе, посвященной исследованию славянских терминов родства, О.Н.Трубачев останавливается на известном факте распространенности у ряда индоевропейских и других народов древности поликефалических (многоголовых) фигур. Для полабских и балтийских славян наличие поликефалических изваяний отмечал еще Любор Нидерле. Среди поликефалических изображений он упоминает о знаменитом четырехликом збручском идоле, Четыребог, Триглаве, пятиглавом Поревите, семиглавом Ругиевите. Чехословацкий этнограф Л.Крушина-Черный также останавливался на феномене многоголовости, отмечая его связь с другим феноменом — многососцовости. Привлекая широкий круг пластических изображений славянских, галльских, греческих, фракийских, сибирских, индийских, ассирийских и других богов, он особенно останавливается на каппадокийских изваяниях из Малой Азии. По мнению Л.Крушины, многоголовые изваяния представляют собой «образы общественной организации, при которой они могли возникнуть. В частности, интересна поликефалия каппадокийских фигур как отражение

культы праматери. От нее идут две линии: одна — в направлении поликефалии вообще, позднее — мужской поликефалии, другая в направлении полимастии («многососцовости»), т.е. абстрагированного изображения *природного плодородия*⁹. Трансформация образов от поликефалии к полимастии, возможно, является следствием перехода номадических сообществ (кочевых в недавнем прошлом народов) к оседлости и открытия *кормящей функции ландшафта*, с которым непосредственно сливается образ многоликой социальности.

Человек в зеркале ландшафта

Тотемистический архетип находится в основании всякого мифологического сознания, мышления и действия. «Восприятия времени в виде вещи, причинности в форме тождества причин и следствий — эти восприятия, облеченные в слово, создают миф, облеченные в поступок — создают действие. Миф не есть какой-то жанр, как жанром, например, является рассказ». Миф зарождается с первыми зачатками дискурса и представляет собой вначале «образное представление в форме нескольких метафор, где нет нашей логической, формально-логической каузальности и где вещь, пространство, время поняты нерасчлененно и конкретно, где человек и мир субъектно-объектно едины»¹⁰.

Однако это весьма своеобразный дискурс, оперирующий домостоименными и предпадежными формами, не знающий синтаксиса и грамматики, не «повествующий» *о* или *про* нечто, но топологизирующий самого субъекта «вовне» в это «нечто», а также, качественно «переводящий» это «нечто» извне — вовнутрь самого субъекта¹¹.

Речь идет о феноменологии зарождающихся языковых структур. К таковым феноменам в лингвистике обращается В.Н.Топоров при изучении проблемы дейктических «местоимений» на примере синтагмы и.-е. **eg'h-om & *men-*. «Почему нельзя ограничиться только этим “местоименным” толкованием синтагмы **eg'h-om & *men-* и почему нужно за местоименным **men-* искать его «доместоименный» смысл? Говоря в общем, потому, что дейктическое **eg'h-om* указывает только на место, а место-образующая функция и для мифопоэтического сознания и для всей философской линии от Платона до Гейдеггера предполагает реальное *заполнение места неким телом*, принадлежащим этому месту и в свою очередь его, если не образующим, то реализующим, актуализирующим. Это исходное отношение места и тела, его заполняющего, стало локусом, в котором началось оформление категории притяжательности и сложение системы отношений, в которые может входить это тело (“пред-падежная” стадия)¹². В таком дискурсе нет причинно-следственных связей и все формы отношений – суть телесные манифестации Одного. Как пишет О.М.Фрейденберг: «Миф и есть морфологическая форма такой антикаузальной системы тождественных, предметных, субъектно-объектных представлений. <...> Мифом служат и действия, и вещи, и речь, и “быт” первобытного человека, то есть все его сознание и все то, на что направлено его сознание. Потому-то и принято такое сознание называть мифотворческим...»¹³. Однако этот образ тотального всеединства уже фиксируется мифом как смысл. Миф в своих истоках – это наглядное представление о связности одного с другим, лишенное всякой законосообразности и причинности: вещи с вещью; явления с при-

знаком; причины с явлением и необязательно со следствием; части с целым; вещи с производимым им эффектом/ощущением; следствия с сопровождающим его обстоятельством и т.п. Такое всесмещение возможно именно потому, что присутствует некий доминантный образ всевбирающего в себя тела, актуального объекта, каковым выступает тело мира, социальности, ландшафта и т.п. — т.е. «тотема».

Живое осмысленное

В свое время А.Ф.Лосев предложил рассмотреть не «логику мифа», наиболее выразительная попытка которой принадлежала в отечественной традиции Я.Э.Голосовкеру, но «диалектику мифа». По Лосеву, всякая диалектика начинается с диалектики в-себе-бытия, в основание которой следует положить диалектику *Одного*. «То, что Фихте начинает ее с “Я”, а Гегель с “Бытия” указывает на предвзятость и, следовательно, отнесенность их диалектики. Если задаться целью начинать диалектику действительно с наипростейшего и максимально лишённого качественного содержания, то это будет, конечно, отнюдь не “Я” и не “Бытие”, но “Одно”. Как показывает диалектика, это Одно требует для себя иного, превращаясь тем в Сущее (Бытие), и синтезируется с ним в Становление. Такова это самая изначальная, самая общая, самая простая, самая непререкаемая диалектическая триада:

1. Одно; 2. Сущее (Бытие); 3. Становление.

...Что такое Становление и каковы условия его существования? Подобно Одному и Бытию оно тоже, чтобы реально быть, нуждается в отличии от всего прочего, от *своего* Иного, которое было бы ему противопо-